

СТИВ МЁРФИ, ХАВЬЕР Ф. ПЕНЬЯ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ,
КОТОРАЯ ЛЕГЛА В ОСНОВУ
ПОПУЛЯРНОГО
СЕРИАЛА NETFLIX
«НАРКО»

ИСТОЯЩЕЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ



ОХОТНИКИ НА ЛЮДЕЙ:

КАК МЫ ПОЙМАЛИ ПАБЛО
ЭСКОБАРА

Стив Мёрфи
Хавьер Ф. Пенья
Охотники на людей: как мы
поймали Пабло Эскобара
Серия «Настоящее преступление»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67026164

*Стив Мёрфи, Хавьер Ф. Пенья. Охотники на людей: как мы поймали
Пабло Эскобара: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-120433-4*

Аннотация

Жестокий Медельинский картель колумбийского наркобарона Пабло Эскобара был ответственен за незаконный оборот тонн кокаина в Северную Америку и Европу в 1980-х и 1990-х годах. Страна превратилась в зону боевых действий, когда его киллеры безжалостно убили тысячи людей, чтобы гарантировать, что он останется правящим воров в Колумбии. Имея миллиарды личных доходов, Пабло Эскобар подкупил политиков и законодателей и стал героем для более бедных сообществ, построив дома и спортивные центры. Он был почти неприкосновенен, несмотря на усилия колумбийской национальной полиции по привлечению его к ответственности.

Но Эскобар также был одним из самых разыскиваемых преступников в Америке, и Управление по борьбе с наркотиками создало рабочую группу, чтобы положить конец террору Эскобара. В нее вошли агенты Стив Мёрфи и Хавьер Ф. Пенья. В течение восемнадцати месяцев, с июля 1992 года по декабрь 1993 года, Стив и Хавьер выполняли свое задание, оказавшись под прицелом киллеров, нацеленных на них, за награду в размере 300 000 долларов, которую Эскобар назначил за каждого из агентов.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Введение | 8 |
| Часть первая | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 44 |

**Стиф Мёрфи,
Хавьер Ф. Пенья**

**Охотники на людей: как мы
поймали Пабло Эскобара**

Steve Murphy, Javier F. Peña

MANHUNTERS:

How we took down Pablo Escobar

Печатается с разрешения издательства St. Martin's
Publishing Group и литературного агентства Nova Littera SIA.

Text Copyright © 2019 by Stephen E. Murphy and Javier F.
Peña

© Голова Александра, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *



Хавьер Ф. Пенья стал специальным агентом УБН в 1984 году и шесть лет выслеживал Эскобара вместе со своим напарником Стивом Мёрфи.

Стив Мёрфи, внедренный агент из Майами, однажды отправился на службу в Колумбию, где вместе с напарником Хавьером Пенья выслеживал Пабло Эскобара.

* * *

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Евангелие от Матфея, глава 5, стих 9

Конни, с благодарностью за безграничную любовь и поддержку.

Стив Мёрфи

Настоящим героям: Национальной полиции Колумбии и нашим коллегам из Управления США по борьбе с наркотиками. В память обо всех невинных, убитых Пабло Эскобаром.

Хавьер Ф. Пеня

Введение

ХАВЬЕР

Когда в моей новой квартире в Боготе раздался телефонный звонок, я понял, что мне угрожает опасность.

– Хавьер? – Голос руководителя моей группы, Брюса Стока, звучал неуверенно, даже слегка дрожал.

Брюсу тогда было немного за пятьдесят, и большую часть своей карьеры он проработал в разбросанных по всему миру отделениях Управления США по борьбе с наркотиками (Drug Enforcement Administration, УБН). Этот двухметровый гигант был прекрасным человеком – этаким добрый великан. Причем совершенно хладнокровный. Без этого качества на его должности никак: он руководил одной из самых опасных операций в истории УБН. Первоочередной задачей Брюса была поимка Пабло Эскобара, миллиардера и главаря Медельинского кокаинового картеля, по приказу которого по всей Колумбии взрывали автомобили, а в страны Северной Америки и Европы тоннами ввозили наркотики. Собрав подростков из трущоб в пригороде Медельина, Эскобар сколотил из них армию жестоких *sicarios*¹, которые убивали любо-

¹ *Sicario* (сикарио) – наемный убийца (*исп.*).

го, кто вставал у них на пути. Они застрелили министра юстиции Колумбии, зверски убили бóльшую часть судей Верховного суда Колумбии и редактора известной газеты, который осмелился разоблачить деятельность картеля. Все эти убийства произошли до моего приезда в Колумбию, но напряжение прямо-таки висело в воздухе. Аэропорт охраняли танки, а по улицам ходили суровые военные с пулеметами.

К началу 1989 года, когда в моей квартире раздался звонок Брюса, я находился в Колумбии уже восемь месяцев и, как и все в штаб-квартире УБН на территории посольства США, был полностью поглощен новым заданием – поимкой Эскобара, которого надлежало доставить в США на самолете, чтобы он предстал перед судом за все совершенные преступления. Из-за угрозы экстрадиции Эскобар объявил войну правительству Колумбии и правоохранительным органам США, что положило начало эпохе террора.

Я прибыл в Боготу после первого назначения в УБН в Остине, штат Техас, где занимался поимкой мелких мексиканских дилеров мета и коки. Я понимал, что служба в Колумбии станет серьезным испытанием, и считал, что готов к этому. Я вступил в Особый поисковый отряд (Bloque de Búsqueda), так называемый Search Bloc, состоящий из шестисот сотрудников элитных подразделений колумбийской полиции и агентов разведки, которые почти круглосуточно занимались поисками Пабло Эскобара. Особый поисковый отряд располагался в полицейском гарнизоне в Медельине,

родном городе Эскобара, и почти всю неделю я проводил там вместе с коллегами из Национальной полиции Колумбии, которые тоже охотились за наркобароном-убийцей. Меня предупредили, что у Эскобара есть «прикормленные» люди в полиции, так что в общении с коллегами я был крайне осторожен.

Выходные, если меня не вызывали на службу, я проводил в своей холостяцкой берлоге. Мне очень нравилась просторная квартира площадью триста семьдесят квадратных метров на оживленном перекрестке в центре Боготы. Оттуда открывался потрясающий вид на город, а окно гостиной шириной около двенадцати метров выходило на величественные Анды, и мне казалось, что я могу дотянуться до них рукой. Для бакалавра из Техаса это был настоящий дворец в центре ночной жизни Боготы, практически на вершине мира. Роскошный и огромный, с четырьмя спальнями и даже комнатой для прислуги. Отличное место для свиданий, которое значительно упрощало задачу соблазнения, особенно когда я подводил своих подруг к окну. Ничего общего с моей крохотной квартиркой в Остине, где была всего одна спальня, которая даже на меня производила удручающее впечатление.

Субботним вечером, когда мне позвонил встревоженный Брюс, эта красивая жизнь закончилась.

Брюс был немногословен, но, судя по тому, что обычное хладнокровие ему изменило, я был в шаге от смертельной опасности.

– Слушай внимательно, Хавьер: бросай всё, хватай пушку и убирайся оттуда, – сказал он. – Нет времени объяснять. Эскобар знает, где ты, – он идет за тобой!

«*Эскобар знает, где ты, – он идет за тобой!*»

Я схватил шестимиллиметровый самозарядный пистолет и поспешил к лифту – перебежками, опасаясь нападения из-за угла или двери, словно преступник в бегах. Кнопку лифта я нажимал трясущимися руками и постоянно проверял кобуру, чтобы успеть выхватить пистолет. Холодный металл под пальцами непонятным образом успокаивал.

«*Calma, calma, Javier! Tranquilo, hombre*»².

Я будто наяву услышал голос своей *abuela*³, невероятно мужественной женщины. Она как-то прогнала грабителей из нашего дома в Ларедо и постоянно выручала меня из сложных ситуаций.

«*Tranquilo, tranquilo!*»⁴

Я пробежал через парковку, украдкой оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что за мной никто не следует. Еще раз проверив пистолет, я открыл дверь служебного автомобиля – пуленепробиваемого «Форда-Бронко». Только когда взревел мотор, я внезапно осознал, что машина могла быть заминирована. Мне повезло: автомобиль не взорвался, так что я вдавил педаль газа до упора и рванул в посольство

² «Успокойся, Хавьер, успокойся! Тише, парень». (Исп.)

³ *Abuela* (абуэла) – бабушка (исп.).

⁴ «Тише, тише!» (Исп.)

США, до которого ехать всего несколько километров.

В бесконечных пробках Боготы я вспоминал бабушку и пытался успокоить дыхание. Я специально выбрал самый забитый маршрут, чтобы не выделяться и слиться с потоком. При виде стальных ворот посольства, похожего на крепость, я вздохнул с облегчением. Брюс встретил меня в штабе УБН, который располагался рядом с крытой парковкой посольства.

Я так и не узнал, Эскобар хотел меня убить или похитить: в борьбе против экстрадиции он часто брал американцев в заложники. По данным разведки, он приказал *sicarios* найти «того мексиканца» из УБН – и это мог быть только я, потому что в штабе я был единственным американцем мексиканского происхождения. Головорезы Эскобара не знали точного адреса, только то, что я жил на углу Седьмой и Семьдесят второй улиц. Им бы потребовалось всего несколько дней, а то и часов, чтобы выяснить адрес: в доме почти не было других гринго⁵. Специалисты разведки из Национальной полиции Колумбии и УБН из сил выбивались, чтобы добраться до Эскобара, но он был неуловим.

Тем вечером я переехал на конспиративную квартиру, выделенную посольством как раз для таких случаев. Несколько недель Эскобар не предпринимал никаких действий, чтобы меня найти, и Брюс подыскал мне квартиру в квартале

⁵ *Гринго* – презрительное наименование, прозвище иностранца, обычно англичанина или американца, в странах Латинской Америки.

Лос-Росалес, рядом с жилищем американского посла. Это был престижный квартал с ухоженными живыми изгородями, роскошными особняками и здоровенными охранниками в черном, которые ходили с рациями, с ног до головы увешанные оружием. Я скучал по квартире в центре, с видом на горы.

Но не настолько, чтобы вернуться. Мысль о том, что меня ищет крупнейший в мире наркобарон, мягко говоря, нервировала. Я не мог прийти в себя еще несколько недель после того звонка и побега из полюбившегося дома. Я почти не спал.

Однако больше всего я боялся, что УБН отправит меня домой из соображений безопасности.

Я старался игнорировать угрозу и, отправляясь с коллегами в бар, мысленно отмахивался от нее. При этом постоянно проверял по нашим базам, не ищет ли меня картель. Я изо всех сил делал вид, что всё хорошо, и только теперь могу признать: в то время я был до смерти напуган.

Однако я твердо решил, что не дам Эскобару победить. И ни за что не вернусь домой, а продолжу работать над делом всей своей жизни.

Я снова вспомнил свою *abuelita*⁶ и вернулся к обязанностям.

⁶ *Abuelita* (абуэлита) – уменьшительно-ласкательное от *abuela*; бабуля (исп.).

СТИВ

Синий «рено» подрезал нашу машину, вынудив съехать на обочину. Так для нас с Конни начался самый страшный кошмар.

Я был за рулем посольского внедорожника старой модели – большого спортивно-утилитарного автомобиля с характерными для Западного побережья огромными зеркалами, торчащими по бокам. Будь мы с Конни в Калифорнии, можно было бы подумать, что мы сёрферы и едем на пустынный пляж. Но в Колумбии такой автомобиль смотрелся как танк. Я в шутку говорил Конни, что в нем можно спокойно переждать не только перестрелку, но и апокалипсис. Я и правда чувствовал себя в безопасности. Двери, днище и крыша защищены стальными пластинами. Окна из толстых пуленепробиваемых стекол вскрыть невозможно. Спереди и сзади – хромированная стальная решетка из труб, так называемый «кенгурятник». Из-за всех этих усовершенствований машина весила примерно в два раза больше обычной.

Чтобы не стоять в пробках и заехать в любимый ресторанчик, взять на ужин жареного цыпленка, мы с Конни поехали домой из посольства по одной из проселочных дорог, мимо военной базы. Мы устали и хотели отдохнуть перед телевизором, поедая ароматное мясо с жареной картошкой и потягивая мерло. Я неделями пропадал в Медельине, так что

нам редко удавалось провести вместе вечер, и мы радовались возможности наконец побыть вдвоем в нашей квартире в северной части города.

Когда нас внезапно подрезал маленький «рено», я выжал тормоз и сцепление в попытке предотвратить столкновение. Потерять управление тяжелым внедорожником довольно легко, и я понимал, что, если врежусь в «рено», его пассажиры получают серьезные травмы, может, даже погибнут. Мне удалось остановиться буквально в нескольких сантиметрах от чужой машины.

Я был зол. Убедившись, что с Конни всё в порядке, я хотел выйти из автомобиля и высказать водителю всё, что о нем думаю. Однако трое мужчин из «рено» вышли первыми и теперь угрожающе приближались к нам. На них были легкие куртки и джинсы, а за поясом у каждого я разглядел огнестрельное оружие.

С тех пор как больше года назад я приехал в Колумбию для работы над делом Пабло Эскобара, я нажил немало врагов. Самый разыскиваемый преступник в мире знал наши с напарником имена. Колумбийская разведка перехватила телефонный разговор наркобарона с одним из его молодчиков, в котором упоминались «два гринго» с базы имени Карлоса Ольгина в Медельине. Во время другого разговора Эскобар даже назвал наши фамилии – Пенья и Мёрфи.

Именно поэтому, когда трое мужчин подошли к моей двери и начали по-испански требовать выйти из машины, я по-

думал, что это не просто дорожные хулиганы. Мы не могли выехать, а их было больше. Кроме того, рядом со мной сидела женщина, которую я безумно любил. Что бы ни случилось, я должен был защитить Конни.

Я отказался открывать дверь и попробовал отпугнуть их, показав полицейский значок. Это не подействовало, и я попытался вызвать подмогу из посольства по радиосвязи. Все посольские машины были оснащены портативными системами радиосвязи для вызова морпехов в случае чрезвычайной ситуации. Я надеялся, что пехотинцы направят патруль, чтобы спугнуть заблокировавших нас хулиганов.

Но ни на первый, ни на второй, ни на третий звонок никто не ответил.

К этому моменту трое мужчин уже пинали наш автомобиль по шинам и пытались открыть двери. Конни старалась сохранять спокойствие, но было видно, что она напугана. По правде сказать, я тоже.

Вскоре после попытки связаться с посольством нам перезвонила жена одного из агентов УБН – убедиться, что всё в порядке. Я объяснил, где мы находимся, и попросил немедленно отправить запрос о помощи. Через несколько минут позвонил куратор УБН. Я поторопил его и посоветовал захватить «маргариту» – это было кодовое название «мини-узи»⁷.

Пока мы беспомощно ждали в машине, выслушивая под-

⁷ Модификация пистолета-пулемета «узи».

начки стучавших по дверям хулиганов, моя дорогая жена, как и всегда в тяжелые моменты, в очередной раз меня удивила.

Она указала на мужчин со словами: «Ну, не такие уж они и накачанные. Если ты возьмешь на себя тех двоих, то с оставшимся я справлюсь».

Не будь у них оружия, я бы, может, и согласился. А так Конни бы застрелили или того хуже.

Как только куратор прибыл на место с «маргаритой», я приготовился выйти из машины и потолковать с парнями. Мы оба были меткими стрелками, так что, посмей парни что-то выкинуть – легко пристрелили бы их. Но мы не собирались никого убивать. Я просто хотел попасть домой и съесть наконец цыпленка!

Я уже открывал дверь, когда на дороге появился мотоциклетный полицейский патруль. Они посмотрели на нас и проехали бы мимо, если бы я не посигналил. Патруль развернулся, чтобы разобраться в ситуации. Куратор УБН держал наготове «маргариту».

Заткнув за пояс пистолет, я подошел к патрульным, предъявил значок и сказал, что я из группы УБН, которая охотится за самым разыскиваемым преступником Колумбии. Я объяснил, что те трое на «рено» нас подрезали и что я опасаясь, что они *sicarios*, которые работают на Эскобара. Всего несколько лет назад продажные полицейские похитили в Мексике специального агента УБН Энрике Кики Кама-

рену Саласара, а затем пытали и убили по приказу наркобарона Мигеля Анхеля Феликса Гальярдо. После смерти Кики все агенты УБН, служившие в Латинской Америке, боялись повторить его судьбу.

Я сообщил полицейским, что трое из синего «рено» вооружены, после чего хулиганов окружили, взяв оружие на изготовку.

Потребовалось время, чтобы разобраться. Узнав, чем я занимаюсь и что у меня есть связи в верхушке колумбийской полиции, полицейские принесли нам с Конни извинения. Трое хулиганов, чуть не спровоцировавших аварию, принадлежали к младшим военным чинам и просто развлекались за наш счет. Обычные дорожные хулиганы, которые хотели кого-нибудь попугать. Они до сих пор не знают, что тот вечер мог стать для них последним.

Я обматерил их в самых скверных выражениях и пригрозил позвонить их командиру. Они глубоко раскаялись и уговаривали меня не делать этого. Наверняка понимали, что за такое поведение отправятся на гауптвахту, а потому рвались уехать как можно скорее.

Мы с Конни поблагодарили патруль и поехали домой под впечатлением от произошедшего. Раскладывая на столе в гостиной остывший ужин, пока Конни разливала вино, я уже представлял следующую опасную ситуацию, в которую попаду.

В тот день я понял, что бронированный посольский вне-

дорожник не спасет меня ни от апокалипсиса, ни тем более от Пабло Эскобара.

Часть первая

СТИВ

В детстве я восхищался полицейскими: хотел носить накрахмаленную форму, похожую на армейскую, и ездить на мощном внедорожнике со включенной мигалкой и сиреной.

Я мечтал стать копом, ловить преступников и защищать невиновных. Для меня полицейские были супергероями. Еще маленьким мальчиком в Теннесси я знал, что мое призвание – служить в правоохранительных органах.

Я родился в Мемфисе. Когда мне исполнилось три, мы с родителями и старшей сестрой переехали вглубь штата, в Мёрфрисборо, небольшой городок с более влажным климатом, широкими лужайками и исчезающими, еще довоенными, плантациями, что к югу от Нашвилла. Здесь ничего не случилось со времен Гражданской войны⁸. В школе мы проходили трехдневное сражение при Стоун-Ривер у Мёрфрисборо, пришедшееся на конец 1862 – начало 1863 года. Это было одно из самых кровавых столкновений, в результате которого южные и северные штаты потеряли более двадцати

⁸ *Гражданская война* в США (1861–1865) между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом.

трех тысяч солдат.

Когда мне было одиннадцать, на окраине города у меня произошло собственное сражение. Сейчас я считаю тот момент одним из определяющих в своей жизни. Тогда меня поймали на месте преступления, в ярком свете полицейской мигалки, и я впервые столкнулся с законом.

Дело было так: летом мы с друзьями устраивали ночевки друг у друга на задних дворах. Раскладывали на свежестриженных газонах спальные мешки и глазели на звезды или набивались в палатку и рассказывали страшилки о привидениях, зомби и жутких убийствах, засыпая под стрекот сверчков и мычание лягушек-быков. Летом в Теннесси жарко и даже к ночи не становится прохладнее, так что чаще всего мы спали под открытым небом и просыпались все в утренней росе.

В одну из таких ночей мы настолько одурели от жары, что не смогли уснуть и решили влезть в дом одного из присутствовавших парней. Не помню, зачем нам это понадобилось, вроде бы мы хотели взять что-то, казавшееся в тот момент невероятно нужным. Пока мы шепотом спорили, пытаюсь открыть окно спальни, сзади послышалось шуршание колес – и мы поняли, что попали: это была полицейская машина. Наверное, кто-то услышал шум и вызвал копов. Мы замерли, боясь повернуться от испуга. Огни мигалки слепили, так что я с трудом разглядел двоих полицейских. Они приказали стоять на месте, хотя это было излишне: мы и так здорово перетрухнули. Я поднял руки, и по моим щекам заструился

пот. Привыкнув к мерцанию, я наконец заметил, насколько высокими и накачанными были копы. В идеально отглаженной черной форме и начищенных черных ботинках они казались просто великанами. Когда они спросили, что с нами делать – отвезти в Департамент шерифа округа Резерфорд и посадить в тюрьму или вернуть родителям, – мы ответили хором. Мы прекрасно понимали, что будет, если о нашей выходке узнают родители, поэтому единодушно предпочли тюрьму. Полицейские расхохотались. Нам было невероятно стыдно, и мы вытянулись в струнку, пока они записывали наши имена и адреса. Потом они развезли нас по домам и разбудили родителей. Не знаю, как мы пережили ту ужасную ночь, но охота к ночевкам под открытым небом у нас пропала надолго. Тем летом мы больше не собирались в палатках.

Повзрослев, я часто вспоминал тот случай и был очень благодарен полицейским за доброе отношение к шкодливым детям.

После этого я еще больше захотел стать полицейским, но много лет спустя узнал, что у родителей на этот счет совсем другие планы.

Я вырос в ортодоксальной баптистской семье и был младшим из трех детей. Вернее, из двух. Старший брат умер еще до моего рождения, в возрасте трех лет. С сестрой у нас разница в восемь лет, и почти всё детство мы дрались.

Отца – ростом под два метра – я всегда считал самым сильным и умным. Его братья рассказывали, что в молодости

сти он не упускал случая подраться. Он был совершенно бесстрашен. Ему даже предложили играть за «Вашингтон Редскинз»⁹, но отец вежливо отказался, поскольку не считал профессиональный футбол серьезным делом.

Уже во взрослом возрасте отец записался добровольцем в Сухопутные войска США, для чего ему пришлось схитрить на медкомиссии. Он плохо видел левым глазом. Когда доктор на медосмотре попросил его закрыть левый глаз левой рукой, он закрыл и спокойно прочел таблицу. А когда то же нужно было проделать с правым глазом, он попросту закрыл правой рукой левый глаз – и никто ничего не заметил!

Отец служил в пехоте. После нападения японцев на Пёрл-Харбор в 1941 году, которое послужило поводом для вступления США во Вторую мировую войну, его отправили в Европу. Будучи сильным и высоким, он помогал санитарам во Франции и Бельгии вытаскивать с поля боя раненых солдат и удерживал их во время медицинских манипуляций.

Вернувшись из Европы, отец поступил в Университет Боба Джонса в Гринвилле, штат Южная Каролина, чтобы стать священником. Он первым из своей семьи получил высшее образование и после выпуска вместе с моей матерью и сестрой переехал к месту новой службы в Мемфис. Там я и родился. Позже, уже в Мёрфрисборо, он сменил несколько небольших церквей и брался за всевозможные подработки.

⁹ «Вашингтон Редскинз» – профессиональный клуб американского футбола из Вашингтона. Основан в 1932 году.

Помню, как он ходил по домам, продавая пылесосы. У него получалось, и он частенько приговаривал, что Бог направляет его и подсказывает, как убедить клиента совершить покупку.

В конце концов Бог увел моего отца из лона церкви и привел к ткацкому станку. Поработав в магазине напольных покрытий в Нашвилле, он убедил своего младшего брата, летчика в отставке, открыть общее дело. Новый магазинчик ковров в Нашвилле процветал, но при таком количестве конкурентов о расширении можно было не мечтать, и отец с дядей принялись искать новое место.

Через два года после той истории, когда я попался полицейским у дома своего друга, наша семья уехала из Теннесси и направилась севернее – в родной штат моих родителей, Западную Вирджинию, где отец с дядей собирались основать ткацкую империю. Мы осели в Принстоне, тихом городке при железнодорожной станции, с населением что-то около шести тысяч человек, в окружении угольных месторождений и неподалеку от Аппалачских гор. В Западной Вирджинии у нас были прочные исторические корни: сюда когда-то эмигрировали из Англии мои бабушка и дедушка по материнской линии. Дедушка всю жизнь проработал на угольных месторождениях.

Я уже был подростком и не хотел переезжать, расставаться с друзьями и школой, где пользовался популярностью. В Принстоне я перешел в старшие классы, и мне пришлось

несладко. Дети передразнивали акцент, который я усвоил в Теннесси, будто я и правда деревенщина с Глубокого Юга¹⁰. Я из кожи вон лез, чтобы влиться в компанию, и в конце концов научился приглушать акцент, подделываясь под манеру речи местных. В этом городе детям было нечем заняться, кроме разве что посещения спортивных секций и церкви. Спустя время городская администрация открыла молодежный центр в бывшем боулинг-клубе – со столами для пинг-понга, закуской и танцплощадкой, где я впервые танцевал с девочкой.

В Принстоне отец с дядей начали превращать магазин в успешное семейное предприятие, привлекая всех к работе. Мама вела бухгалтерию и встречала покупателей, договаривалась об укладке напольных покрытий и заказывала расходные материалы для магазина, пока отец с дядей выискивали линолеум и ковры по заказу клиентов. По-настоящему бизнес держался на маме. Если бы не ее энтузиазм и усердие, ничего бы не вышло. Моя сестра тоже работала в магазине на неполную ставку. Когда мне исполнилось четырнадцать, и я стал частью семейного дела. Отец надеялся, что со временем я займу его место, но считал, что начинать нужно с самого низа. Я подметал, мыл полы, убирал туалетные комнаты и выносил мусор. В конце концов меня «повысили» до кон-

¹⁰ *Глубокий Юг* – штаты на юге США, которые традиционно занимались сельским хозяйством. Обычно к ним относят Алабаму, Джорджию, Луизиану, Миссисипи и Южную Каролину. Реже – Техас, Флориду и Теннесси.

сультанта, который должен был встречать клиентов и показывать им бесчисленные образцы ковровых покрытий и линолеума.

Меня до сих пор тошнит от вида ткацких станков.

В конце шестидесятых – начале семидесятых, когда другие подростки отращивали длинные волосы, курили травку, выступали против войны во Вьетнаме и оплакивали распад «Битлз», я вел довольно скучную жизнь в консервативном городке у подножия Аппалачских гор. Давно покинувший пост священника отец оставался таким же поборником строгой дисциплины: до восемнадцати лет он запрещал мне ходить в кино и играть дома в карточные игры, даже в «Старую деву»¹¹. Сестре запрещалось носить штаны и шорты, а длина ее платьев была строго ниже колен. Узнав, что мы набедокурили, отец порол нас ремнем. Многим это покажется жестоким, а в сегодняшнем либеральном обществе такое воспитание и вовсе приравнивается к насилию над детьми, но мы привыкли к ограничениям. Мы знали, что нам можно и нельзя, и знали, чего ждут от нас родители.

Следуя традиции, сложившейся еще в Теннесси, мы всей семьей посещали Первую баптистскую церковь в Принстоне. Религия и встречи прихожан не очень-то меня привлекали, пока я не попал на выступление детского церковного хора. Он назывался «Голос веры», а между собой мы называ-

¹¹ Викторианская карточная игра для двух и более игроков, в которой проигравший оплачивает напитки.

ли его просто «Голос». Меня настолько впечатлила профессиональная постановка, освещение и само выступление, что я тоже записался в «Голос» и пел в хоре до окончания школы. Я не был лучшим, но мне нравилось ощущать себя частью разношерстной группы детей. Мы выступали в школах и церквях по всей Западной Вирджинии и Вирджинии. Мы были так популярны, что за время моего участия хор разросся с сорока человек до более чем четырехсот.

По окончании школы я уехал в Университет Западной Вирджинии в Моргантауне. Я жаждал самостоятельности и был рад делить комнату со сверстниками. По настоянию родителей я выбрал специальность «управление предприятием», хотя экономика и финансы меня ничуть не привлекали. По-моему, весь первый семестр я не вылезал с вечеринок. Взглянув в таблицу успеваемости, родители поняли, что тратят деньги впустую, так что в рождественские каникулы я неохотно собрал вещи, забрал документы и вернулся домой.

Будущее, неразрывно связанное с образцами ковровых покрытий, угрожающе приближалось.

Однако служба в правоохранительных органах всё еще привлекала меня, и я – ни слова не сказав родителям – подал документы в Государственный колледж Блуфилда на новую программу по специальности «Отправление правосудия по уголовным делам». Как же мне там понравилось! Весной 1975 года я был первым студентом, который записался на новую программу летних стажировок в Департамент шерифа

округа Мерсер и Департамент полиции Блуфилда. Я познакомился с помощниками шерифа и полицейскими, которые убедили меня сдать экзамен для поступления на госслужбу, чтобы стать полицейским. Я снова ничего не сказал родителям. За экзамен я получил высший балл, и мое имя стояло первым в списке студентов, которых готовы были нанять и Департамент шерифа, и Департамент полиции.

Вскоре мне позвонили из Департамента полиции Блуфилда и пригласили на собеседование. Пришлось рассказать родителям о выбранной специальности и тайно сданном экзамене в полицию. Всё-таки я их недооценил, они меня как-то вычислили. В ноябре 1975 года после сдачи нормативов по физической подготовке и успешного прохождения проверки анкетных данных я принял присягу патрульного в Департаменте полиции Блуфилда. Мне было всего девятнадцать лет.

Новая форма приводила меня в восторг, но радость несколько омрачалась отсутствием оружия. В Западной Вирджинии можно приобретать оружие не раньше двадцати одного года, так что мне предстояло заручиться поддержкой одного из старших коллег, чтобы заполучить свое первое оружие – четырехдюймовый револьвер «Кольт Питон» 357-го калибра из вороненой стали.

Я не ждал, что отец обрадуется моему выбору, но в каком-то смысле он мною гордился, потому что именно он купил патроны.

Как новичку, мне поручили патрулировать один из райо-

нов города и заниматься бумажной работой, но меня заинтересовали наркоторговцы. Шел 1976 год, и наркотики были повсюду. Даже в те времена я понимал, какой огромный вред они наносят обществу и с какой легкостью продажа и употребление наркотиков разрушают жизни молодых людей. В середине семидесятых кокаин снова стал популярен: без него не обходилась ни одна «звездная» дискотека или вечеринка в стране, вспомнить только культовый ночной клуб «Студия 54». Употребление свободного основания кокаина, то есть вдыхание его паров при курении, дарило наркоманам невероятный кайф. В подпольных лабораториях экспериментировали с кристаллическим кокаином: смешивали кокаин с пищевой содой и другими веществами для производства крэк-кокаина. К началу восьмидесятых он был чудовищно распространен в бедных кварталах американских городов. Вдобавок ко всему в 1975 году закончилась война во Вьетнаме и домой вернулись сотни подсевших на кокаин солдат.

Мне же в тот период не давала покоя незаконная торговля марихуаной, и в свободное время я выслеживал мелких наркоторговцев. В 1976 году информатор рассказал мне о дилере, который продавал траву фунтами. В то время один фунт¹² марихуаны стоил более тысячи трехсот долларов. Я позвонил Джеку Уолтерсу, еще одному новичку в полиции, с которым успел подружиться, и мы разработали план поимки

¹² 1 фунт – примерно 0,45 кг.

дилера, назначив операцию на выходной. Мы уговорили информатора связаться с дилером по телефону.

Тем вечером информатор позвонил объекту, спросил, почему можно купить один фунт травки, и договорился о встрече на местной заправке минут через двадцать. Мы с Джеком спрятались за заправочной станцией и ждали, пока объект передаст травку информатору.

Увидев, как объект достает из машины пакетик, мы выскочили и арестовали его. Преступником оказался семнадцатилетний школьник из достаточно обеспеченной семьи. Ему и деньги-то были не нужны, он просто насмотрелся фильмов про плохих парней и считал, что копы в маленьком городке ни за что его не поймают.

Надев наручники на перепуганного парня, мы с Джеком позвонили детективу. Он был в шоке, когда узнал, что два новичка в свой выходной успешно провели операцию по поимке наркодилера.

После суда школьника передали на поруки родителей. Ему повезло: он заключил сделку со следствием и получил условный срок. К наступлению совершеннолетия условный срок закончился и судимость была погашена.

Несмотря на мои успехи, отец был недоволен моим выбором профессии и явно расстроился, что я не желаю продолжать семейное дело. Через восемнадцать месяцев службы меня замучило чувство вины, и в 1977 году я взял трехмесячный отпуск без содержания и вернулся в магазин от-

ца, чтобы дать напольным покрытиям последний шанс. Я не продержался и двух месяцев. Мне было настолько тоскливо среди образцов линолеума и ковров, что я вернулся в Департамент полиции задолго до конца отпуска.

Только через пять лет службы отец наконец признал, что гордится мной. У меня просто камень с души свалился, и я ощутил небывалый прилив сил.

Я больше не сомневался в своем выборе.

ХАВЬЕР

Всю поездку от Хеббронвилла до Хантсвилла, которая стала для меня первым серьезным шагом навстречу карьере в правоохранительных органах, – все пять часов – я рыдал.

В Техасском колледже искусств и технологий в Кингсвилле я учился по специальности «Социология» и теперь ехал на трехмесячную стажировку в Департамент исполнения наказаний штата. Работа в тюрьме, где содержались самые жестокие преступники, приговоренные к смертной казни, сулила мне зачет в колледже и небольшую оплату.

У меня мурашки по телу бегали от нетерпения.

Родители очень переживали и уговаривали меня отказаться от поездки. На самом деле были и другие причины, по которым мне не следовало уезжать из родного города на юге Техаса. В семье случилось горе: моей маме, Алисии, на днях поставили диагноз «рак груди». Для глубоко верующей доб-

ропорядочной женщины, которая за всю жизнь не выпила ни капли алкоголя и не выкурила ни одной сигареты, это был удар. По воскресеньям мама ходила в церковь и всегда успевала накормить отца, меня и моего старшего брата Хорхе. В Хеббронвилле непросто сводить концы с концами. Небольшое семейное ранчо приносило весьма скромный доход, и каждое лето мы с братом помогали отцу чинить забор и управляться со скотом. В самые трудные времена мама оставалась неисправимой оптимисткой. Даже когда из-за рака ей удалили обе груди. В пятницу вечером она любила играть в бинго в церкви. Она ни разу не выиграла ни пенни, но всегда говорила, что от выигрыша ее отделяла буквально одна цифра.

Мама уговаривала меня остаться, едва сдерживая рыдания. Отец – его все называли Чучо – это уменьшительное от полного имени Хесус – тоже не хотел меня отпускать. Он считал, что стажировка в среде самых жестоких преступников штата попросту опасна. Опасна! И это говорил ковбой, прославившийся на всю ковбойскую столицу Техаса. Да он вообще никого не боялся! Однако мне было тесно на семейном ранчо, которое досталось отцу от деда, и надоело смотреть, как моя семья едва сводит концы с концами. Пришло время покинуть тexasский городок, ютившийся у железнодорожной станции. Отказаться от первой реальной работы в органах правосудия было выше моих сил.

В дорогу я взял совсем немного вещей, чтобы родители

видели, что я уезжаю не навсегда и скоро вернусь. Я бы выполнил обещание и приехал поддержать маму в Ларедо, где ей назначили химиотерапию, но родители просто отвернулись от меня и отказались со мной разговаривать.

Мне было восемнадцать, и я покидал дом своего детства с тяжелым сердцем, боясь, что больше никогда не увижу маму живой. Только спустя годы я понял, что родителям было так же тяжело, как мне.

Я вставил ключ в замок зажигания, положил руки на руль «Шевроле-Нова» 1974 года выпуска – и заплакал. Эту мощную двухдверную машину шоколадного цвета я купил на деньги, которые откладывал с летних подработок сборщиком арбузов. Хеббронвилл, окруженный поистине бескрайними полями этой ягоды, может по праву считаться мировой столицей арбузов. С пятнадцати лет я каждое лето работал в поле: пробирался через арбузные плети и собирал тяжеленные ягоды при почти сорокаградусной жаре. В шесть утра автобус с рабочими (почти все они были мигрантами из Мексики) подъезжал к моему дому и отвозил нас на близлежащие фермы, домой мы попадали в восемь вечера. Арбузы весили от пяти до семи килограммов, так что к концу лета я выглядел так, будто не вылезал из спортзала. Несколько раз я натыкался на гремучих змей, которые прятались от солнца под арбузами. Они меня не кусали, но однажды змея хотела напасть, и я швырнул в нее арбуз – убил. С тех пор я терпеть не могу арбузы и ужасно боюсь змей.

К семнадцати годам за отличную работу меня перевели из сборщиков в группу более опытных работников, которые собирали самые спелые ягоды. Позже я стал укладчиком – помогал загружать арбузы в грузовик. Это своего рода искусство: нужно идеально ровно выложить друг на друга ряды арбузов в кузове высотой около двух с половиной метров. За каждый грузовик платили по триста долларов, а за день я заполнял два грузовика, так что зарабатывал немалые деньги. Большую часть я отдавал маме, а остальное откладывал на покупку машины.

Проезжая мимо арбузных полей, начальной и старшей школы, где я играл в футбол и бейсбол, забегаловки, где впервые попробовал пиво, я чувствовал, что покидаю не только родной город, но оставляю позади свою юность – и поэтому плакал. Я гнал на север по 59-й автомагистрали и едва видел дорогу из-за непрерывно текущих слез. Мимо, словно кадры из фильма о моей прошлой жизни, проносились ранчо, на которых паслись стада под присмотром пропыленных ковбоев на лошадях.

Я ехал мимо Хьюстона на север, в Хантсвилл, где располагался Департамент уголовного правосудия штата Техас, который стоял надо всеми исправительными учреждениями штата. Однажды кто-то очень точно подметил, что Хантсвиллу не грозит никакой экономической кризис, потому что основной доход город получает от содержания преступников.

И это правда: из тридцати восьми тысяч жителей города около семи тысяч работает в тюрьмах. Несколько тысяч работает в местном университете. В семи тюрьмах Хантсвилла содержится более тринадцати тысяч заключенных. Есть даже местная шутка: «Половина жителей сидит в тюрьмах, а вторая половина их охраняет». В этой мрачной шутке кроется толика гордости, ведь как бы люди ни относились к смертной казни, сложно отрицать, что Хантсвилл стал своего рода национальным памятником уголовному правосудию. Здесь расположен Тюремный музей Техаса, где хранится пистолет Бонни Паркер, который был при ней в 1934 году, когда их с Клайдом в Луизиане расстрелял отряд шерифа. Главной же достопримечательностью является «Старушка Искра» – электрический стул, на котором в период с 1924 по 1964 год казнили 361 преступника. До появления «Старушки Искры» заключенных, приговоренных к смерти, просто вешали в разных округах штата Техас.

Я въехал в Хантсвилл в расстроенных чувствах, с красными глазами, еще не зная, чего ожидать. Это был типичный тexasский город, не особо отличавшийся от тех, что я видел в детстве: широко раскинувшийся в разные стороны, с прямыми улицами и ржавыми пикапами у хозяйственных магазинов и киосков с газировкой. Я остановился, чтобы размять ноги, и прошел мимо заколоченного театра на Двенадцатой улице в центре города и остановки «Грейхаунд». Позже я не раз увижу, как бывшие заключенные топчутся на ней в ожи-

дании автобусов, сжимая в руках банки с пивом в грубой оберточной бумаге – первый глоток свободы после отсидки.

В город я прибыл субботним вечером, когда закусовые наводнили студенты Государственного университета имени Сэма Хьюстона. Они делали домашние задания или оживленно беседовали за кофе с пирожными. Однако, увидев место своей работы – внушительное здание из красного кирпича, что возвышалось над центром города, – я осознал, что нахожусь в одном из самых жутких мест в своей жизни. Хантсвиллскую тюрьму на 225 камер построили в 1849 году, это старейшая тюрьма штата. Местные называют ее «Стена». С тех пор как в 1982 году в Техасе вернули смертную казнь, здешняя комната исполнения приговора принимала больше заключенных, чем в любом другом штате.

Остановиться было не у кого, так что я заселился в самую дешевую гостиницу. На следующее утро я явился на стажировку раньше времени и меня приписали к тюрьме Эллиса в девятнадцати километрах к северу от Хантсвилла. Там содержались самые опасные заключенные, приговоренные к смертной казни. Возвращаясь в гостиницу после заполнения всех необходимых бумаг, я наткнулся на крошечный трейлер, припаркованный примерно в квартале от «Стены». В нем не было и шести метров, да и выглядел он откровенной развалиной, в которой давно никто не убирался. Тем не менее я сразу снял его у пожилой хозяйки. Не знаю, почему она прониклась ко мне доверием, – может, заметила мои за-

плаканные глаза или непросохшие слезы на лице, – но она робко попросила всего сто долларов в месяц, и я согласился. По выходным я покидал свое крошечное жилище, шел к главной тюрьме и тратил талоны на обед и ужин.

В первый же день работы в тюрьме Эллиса мне дали задание провести переключку среди приговоренных к смерти. Никакого инструктажа на случай нештатных ситуаций, так что по метровому проходу между камерами я шел с большой опаской и, сказать по правде, был напуган до полуобморочного состояния. Ладони вспотели, и с каждым шагом сердце колотилось всё быстрее. Я даже не осмелился смотреть по сторонам, прилипнув взглядом к списку имен на планшете. Называя имена, я думал только о том, чтобы произнести их правильно, и мне казалось, заключенные чувствуют мой страх и слышат дрожь в голосе. Они, конечно, знали, что я работаю первый день и совершенно ничего не соображаю от страха. И вот, когда в оглушительной тишине я произнес третье имя, кто-то крикнул: «Бу!»

Этот крик стал последней каплей. Я бросился бежать. Просто развернулся и кинулся назад по проходу на предельной скорости.

В чувство меня привел оглушительный смех охранников и заключенных, которые чуть ли не по стенам сползали.

Я облегченно выдохнул, но тревога так и не ушла. В окружении заключенных, совершивших тяжкие преступления, было не до смеха.

В тюрьме опасность подстерегает на каждом шагу. В июле 1974 года, за несколько лет до моего приезда, в Хантсвилле произошел самый продолжительный захват заложников в истории американских тюрем. Фред Гомес Карраско, знаменитый наркоторговец из Сан-Антонио, известный под прозвищем Эль-Сеньор, взял в заложники шестнадцать человек в библиотеке тюрьмы «Стена». На тот момент героиновому королю Карраско было тридцать четыре года и его обвиняли в смертях пятидесяти семи жителей Техаса и Мексики. Вместе с двумя другими заключенными – Родольфо Домингесом и Игнасио Куэвасом – он подкупил работников тюрьмы, чтобы те передали им в банке с просроченной ветчиной три пистолета калибра «.357 Магнум». В банках с персиками работники тюрьмы пронесли более трехсот патронов.

Одиннадцать дней руководство тюрьмы вело переговоры с захватчиками, угрожавшими убить заложников, среди которых были заключенные, библиотекари и тюремный священник. Для дерзкого побега Карраско требовал предоставить ему и двум сообщникам пуленепробиваемые жилеты, костюмы и зачем-то туфли фирмы «Нанн Буш». Третьего августа они вышли из тюрьмы под прикрытием самодельного щита, состоявшего из двух классных досок на колесиках, к которым снаружи для дополнительной защиты примотали юридические талмуды и картон. Это сооружение они называли «пиньята»¹³, или «троянское тако»¹⁴. Преступники при-

¹³ *Пиньята* – мексиканская полая игрушка крупных размеров с орнаментом

ковали себя наручниками к трем женщинам – библиотекарю Джулии Стэндли и учителям Ивонн (Вон) Беседе и Новелле Поллард – и затащили их с собой в «пиньяту» вместе с тюремным священником, отцом О’Брайеном. Сооружение обвязали веревкой, к которой наручниками пристегнули еще четырех заложников, чтобы тexasские полицейские не надумали стрелять. Заключенным нужно было только выйти во двор, где их по требованию Карраско ждал бронированный автомобиль.

Когда процессия под щитом из классных досок спускалась с третьего этажа, где находилась библиотека, полиция воспользовалась шлангом высокого давления, чтобы напором воды разбросать заложников снаружи конструкции. Полицейские потребовали сдаться – в ответ из-под щита раздались выстрелы. Перестрелка продолжалась в течение пятнадцати напряженных минут. В последовавшем хаосе Домингес четыре раза выстрелил в спину Джулии Стэндли. Она скончалась на месте, после чего Домингеса застрелили полицейские. Карраско убил Ивонн Беседу и застрелился сам. Куэвас ранил из пистолета отца О’Брайена, отключился и упал на Новеллу Поллард. Необразованный сын мексиканского крестьянина, отбывающий сорокапятилетний срок за убийство, Куэвас стал единственным из трех сообщников, кто

и украшениями, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги.

¹⁴ *Тако* – традиционное блюдо мексиканской кухни, представляет собой тортилью с начинкой.

выжил при попытке побега. За убийство Джулии Стэндли, сорокатрехлетней матери пятерых детей, его трижды приговорили к смертной казни. Два приговора оспорили на апелляции, однако в конце концов Куэваса признали виновным в смерти Джулии, поскольку по закону Техаса преступники несут ответственность за действия, совершенные сообщниками во время одного инцидента. 23 мая 1991 года приговор был приведен в исполнение, и Куэвасу ввели смертельную инъекцию всего в нескольких ярдах от места трагических событий.

Во время моей стажировки в тюрьму также привезли белого толстяка, которого смертники прозвали Кэндимэн («Человек, раздающий конфеты»). Вскоре я узнал, что журналисты окрестили его «Человек, убивший Хеллоуин»: он отравил собственного сына, предложив ему конфету с цианидом, чтобы получить крупное страховое возмещение.

Этого человека звали Рональд Кларк О'Брайан, он работал оптиком в Дир-Парке, пригороде Хьюстона. После того как его осудили за убийство, переполошились родители по всей стране: многие боялись давать детям угощения, которыми принято обмениваться на Хеллоуин, причем полученные как от незнакомцев, так и от членов семьи.

Пасмурным осенним вечером 1974 года О'Брайан вместе с соседом отвезли своих детей в Пасадену, штат Техас, чтобы по хеллоуинской традиции обойти дома, собирая гостинцы. Тридцатилетний О'Брайан отстал от соседа и детей и догнал

их уже с конфетами, которые ему якобы дали в доме, где перед этим им не открыли: окна были зашторены и свет не горел. О’Брайан раздал сладости, «Пикси Стикс»¹⁵, двум своим детям – девятилетнему Тимоти и пятилетней Элизабет – и трем соседским детям. После прихода домой О’Брайан убедил сына попробовать отравленные «Пикси Стикс». Проглотив порошок, Тимоти пожаловался на горечь, и мальчика начало рвать. Вскоре он умер.

О’Брайан сообщил полиции, что получил «Пикси Стикс» в доме, где не горел свет. Якобы он видел только волосатую руку, которая протянула ему конфеты из-за двери. Быстро выяснилось, что это ложь: хозяин дома, авиадиспетчер, предоставил табель учета рабочего времени. Свидетели тоже подтвердили, что в тот вечер он работал.

Через несколько дней выяснилось, что О’Брайан получил огромную страховую выплату, так как ранее застраховал жизни своих детей, и полиция его арестовала. Оказалось, что у него сто тысяч долларов долгов и кредиторы со дня на день должны были отобрать дом и машину. Кроме того, работодатель собирался уволить его за кражу. Смерть Тимоти принесла О’Брайану тридцать одну тысячу долларов страховых выплат.

Приведение приговора в исполнение я не застал. О’Брай-

¹⁵ «Пикси Стикс» (англ. Pixy Stix) – сладости, по виду напоминающие трубочки для питья. Внутри упаковки находится порошок: сахар, декстроза, лимонная кислота и вкусоароматические добавки.

ан дважды добивался отсрочки, но в 1984 году, через несколько лет после окончания моей стажировки в Хантсвилле, был приговорен к смертной казни. Он отрицал вину, даже когда его пристегнули к каталке для введения смертельной инъекции. На момент смерти ему было тридцать девять лет.

Последние слова О'Брайана: «Все люди совершают ошибки. Мой приговор – тому пример. Но это не означает, что вся система правосудия ошибается. Поэтому я прощаю всех, абсолютно всех, кто причастен к моей смерти».

Я осуждаю такие преступления, но в одном О'Брайан был прав: все заключенные, даже самые жестокие, не перестают быть людьми. Это один из самых ценных выводов, которые я сделал за время работы в органах правопорядка. Меня к нему подтолкнул один хантсвиллский заключенный, который помогал охране в обмен на особое отношение – телефонные звонки или дополнительное питание. Нужно четко соблюдать границы, говорил он, но и сопереживание проявлять тоже нужно.

Однако по отношению ко мне в хантсвиллской тюрьме сопереживание не проявили. В конце трехмесячной стажировки, когда оставалось всего ничего до возвращения в колледж, я попал в ситуацию расовой дискриминации, которая чуть не поставила крест на моей будущей карьере. Это было так неожиданно и обидно, что я до сих пор не могу об этом забыть.

Моя двоюродная сестра, оставшаяся в Хеббронвилле, в последний день моей стажировки выходила замуж. Я долго собирался с духом, чтобы попросить у начальника тюрьмы отгул. За глаза его звали Капитаном. Это был крупный мужчина, в присутствии которого всем становилось не по себе. Он резко выделялся на фоне остальных: большинство работников тюрьмы были приятными и равнодушными людьми, многие учились по специальности «Уголовное право» в университете Сэма Хьюстона. Я зашел в кабинет и начал, запинаясь, рассказывать о своих семейных обстоятельствах, сказал, что готов отработать за этот отгул девять дней подряд вместо обычных семи. И тут он взорвался. Он начал кричать на меня, и самым безобидным оскорблением было «ленивый мексиканец» – остальные я, к счастью, не запомнил. Он приказал мне выметаться и угрожал написать плохую рекомендацию, которая могла закрыть мне дорогу в правоохранительные органы.

Вот так! Три месяца тяжелой работы, за время которой я получил бесценный опыт для дальнейшей службы, – и вдруг моя судьба оказывается в руках оголтелого расиста. Я думал, что поступаю правильно, сообщая о причинах своей просьбы, но вышел из кабинета начальника совершенно растоптанным. Я отработал последнюю смену и, не сказав никому ни слова, сел в машину и помчался в Хеббронвилл. Я все-таки успел на свадьбу сестры и затем вернулся к учебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.